

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

*Л.С. ВАСИЛЬЕВ***Становление политических партий
и партии “нового типа”**

Проблема политических партий в истории человечества – при всей ее кажущейся элементарности – достаточно сложна и даже противоречива. Если обратить внимание на в чем-то близкую к ней проблему “свои–чужие”, то окажется, что понятие “партия” как определенная часть (от лат. *part, partito*) более обширного коллектива, группа близких друг к другу “своих”, отличающая их от всех остальных, с незапамятных времен играло в жизни людей существенную роль. Разумеется, критерии для выделения таких групп могли быть разными, в том числе и не имеющими поначалу никакого отношения к политике. Но сам факт их несходства бесспорен. Вопрос лишь в том, о каких параметрах идет речь и насколько существенную роль играет при этом несходство.

Во многих группах (среди своих) было принято считать конформизм стандартом благопристойного поведения, естественной нормой жизни. К любому, в том числе и к жестко авторитарному, режиму люди привыкали с детства. Больше того, иную норму они считали нарушением привычного принципа. Таким образом, во многих обществах самой их историей создавался фундамент, облегчавший организованной группе, сплоченной некоей идеей, навязать остальным то, что они считают верным. Так было с мусульманами эпохи пророка Мухаммеда и великих исламских завоеваний. Нечто похожее являли собой тоталитарные режимы XX столетия.

В любом более или менее развитом обществе с присущим ему разделением труда одни группы людей отличались от других. Разделение труда вело к различию в социальном статусе, в облике, а также в нормах поведения, соответствующих статусу. **Но, если пока оставить в стороне античные и буржуазные общества Запада, во всем остальном мире генеральный принцип был непреложным: одни управляли, другие были управляемыми.** Именно в этом смысл авторитарной власти. Как возникла эта власть и какую роль при этом играли протополитические связи? Что такое протополитическая группа? Когда и как формировались объединения подобного типа? Какие из различного рода древних организаций тем или иным образом могли привести к возникновению разного рода партий, вплоть до тоталитарно-мафиозных идеологическо-религиозных организаций “нового типа”?

Ранние формы протопартийных группировок

Разного рода протопартийные группы ранее всего могли возникать на уровне общинных поселений неолита, в ходе борьбы за престиж и должность в руководстве общины. Данные об этом, собранные антропологами у разных народов, свидетельству-

Васильев Леонид Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Государственного университета – Высшей школы экономики.

ют, что для успеха в достижении желанной цели патриархи семейно-клановых групп широко использовали принцип щедрых угощений и раздач. Те, чье хозяйство в силу разных причин было наиболее зажиточным, манипулируя возможностями принципа реципрокности, то есть обязательного взаимообмена, обретали больший престиж и обзаводились клиентами, которые были не в состоянии расплатиться материальными раздачами и потому платили своим престижем. **Патронажно-клиентные связи были наиболее ранней формой групп, имевших протополитическую подоплеку.**

Группы такого типа были кратковременными и даже одноразовыми, имевшими вполне определенное предназначение. Но соперничество их было вполне реальным и могло принести либо не принести победу. На более позднем этапе, когда возникали протогосударства, соперничество переросло в борьбу групп внутри трибализующейся этнической общности, в ходе которой наиболее удачливые из амбициозных претендентов на роль вождя одерживали верх. Их группы поддержки можно считать ранней формой достаточно длительно существовавших протопартийных групп. В рамках очагов урбанистической цивилизации поддерживавшие правителя воины тоже были чем-то вроде подобных групп. Протополитический смысл их вне всякого сомнения.

В более позднее время, когда на традиционном Востоке возникли и институционально оформились развитые государства, существовавшие в мало или сравнительно неизменном виде до XIX столетия, политическая борьба обычно обретала разные формы: от дворцовых интриг до военных столкновений. Как правило, дело при этом обходилось без каких-либо всерьез организованных прото- и предпартий. Не было нужды и в идеологических скрепах. Власть принадлежала правителю, делившему ее с налаженным и централизованным аппаратом администрации, в пределах которого могли порой рождаться заговоры, но не было основы для возникновения партийных групп. Не было потому, что авторитарная власть, единовластие правителя, сколь ни был бы он лично слаб, не совместима с открытой оппозицией, ибо она подрывает не столько его власть, сколько консервативную стабильность общества в целом, что было одной из наивысших и вполне осознанных ценностей всех традиционных обществ.

Впрочем, в некоторых странах под влиянием внутреннего кризиса, который мог длиться долгими десятилетиями, если даже не веками, порой возникало сопротивление, принимавшее различные формы. В мире ислама, в частности, появлялись новые секты, что было особенно характерно для шиитов. Это сопротивление могло вести к распаду государства на части либо к отделению от целого (например, халифата) какой-либо из его частей. Можно ли считать это проявлением именно политического соперничества? Вне всякого сомнения. Но следует ли считать отделившихся именно политической партией (предпартией)? Едва ли. Ведь кроме желания обрести автономию либо полную политическую самостоятельность за этой политической борьбой ничего не стояло.

Встречались и иные варианты, близкие к представлению о партийном противостоянии. Из истории Китая эпох Хань или Мин известно, что влиятельные группировки конфуцианцев, отстаивавших принятые в стране нормы, решительно противостояли временщикам, отказавшимся рядом с тронном сына Неба. Конфуцианцы, обладая учеными степенями, были кандидатами в чиновники, но лишались своих должностей, занятых клевретами временщиков, часто из родни женщин императорского гарема. Это побуждало конфуцианцев спланировать и единым фронтом выступать с резкой критикой, формируя недовольство в общественном мнении и составляя доклады на высочайшее имя. И хотя авторы их время от времени получали шелковый шнурок (рекомендация повеситься, обычно исполнявшаяся), поток петиций не прекращался. Есть основания считать ситуацию подобного рода не только политическим противостоянием оппозиции власти имущим, но и политической протопартией, пусть очень примитивной, сплоченной единством цели и обладавшей некоторыми элементами внутренней организации.

Это означает, что протопартии в странах Востока могли возникать, но далеко не всякое обострение внутривластной ситуации вело к появлению политически

оформленных группировок. Причем возникали они не везде, но именно в странах конфуцианской цивилизации (можно, к примеру, напомнить о противостоянии политических группировок знати в средневековой Японии). А очевидная принципиальная разница здесь в том, что в конфуцианской структуре не было сакральной почтительности к правящим верхам в той степени, в какой то было характерно для ислама. Например, нарушение нормы верхами считалось у конфуцианцев вполне оправданным поводом для критики. И еще. Возникая в экстремальной ситуации, протопартии подобного типа исчезали, коль скоро обстановка в империи нормализовывалась. Вообще же для того, чтобы “протопартии” возникали, нужна была либо крайняя степень нарушения общепринятой нормы, борьба с которой наиболее типична для конфуцианской цивилизации, либо достаточно высокоразвитый уровень политической культуры, который был свойствен прежде всего античной традиции и западноевропейской предбуржуазии.

Прото- и предпартии в антично-предбуржуазных обществах

Устойчивые противостоящие друг другу группы в наиболее четко обозначенном виде могли возникнуть и возникали только в античности. Из истории древнегреческих полисов, как и раннего Рима, хорошо известно, что эти общества изначально были в определенной степени политически – именно политически – расколоты на противостоящие группировки. В Элладе это были демос и аристократы, в Риме – плебеи и патриции. Обе группы имели различные имущественные возможности, а то и политические права, и потому обездоленные ощущали царившую в обществе несправедливость. Ради ее исправления осуществлялись необходимые – демократические по сути, то есть уравнивавшие демос и плебс в правах с эвпатридами и патрициями, – преобразования. К этому важно добавить, что всем античным гражданам была хорошо известна постоянно совершенствовавшаяся и обраставшая все новыми охраняющими ее суть процедурами регулярная практика выборов магистратов (а это и есть предпочтение одного политического деятеля другому). Там придавали значение и отчетности магистратов перед народом, и более того – системе остракизма, то есть изгнания на определенный срок (например, из Афин) деятеля, которому большинство выразило недоверие. Позже, как известно из истории Рима, возникали и противостоявшие друг другу вполне уже структурно определившиеся, даже имевшие своих признанных лидеров политические протопартии, в частности оптиматов и популяров.

Крушение Рима поставило точку на дальнейшем совершенствовании всей системы такого рода античных протопартий. Однако стоит заметить, что в Восточной Римской империи (Византии) нечто вроде них продолжало существовать, принимая порой даже экзотические формы групп яростных болельщиков на ипподроме. Организованность позволяла этим группам в случае обострения внутренних проблем играть роль протопартий и оказывать определенное политическое влияние на ход событий.

Следующим и – по сравнению с античностью – много более заметным уровнем партийно-политической структуры следует считать группировки, которые существовали в Средние века в предбуржуазной Европе. Это хорошо известные гвельфы и гибеллины в Италии, в основном в Ломбардии. В сложной и очень значимой для всех итальянских предбуржуа XII–XV вв. ситуации обе они изначально объединяли сторонников (гибеллины) и противников (гвельфы) “Священной Римской империи”, которые впоследствии стали более узкими и противоречивыми предпартийными группировками. Гвельфы Флоренции могли противостоять гибеллинам Пизы, а при ином раскладе сил Пиза могла опираться на гвельфов в борьбе с Генуей. Бывало, что в одном и том же крупном ломбардийском городе-государстве (Милан, Болонья) купцы и ремесленники, то есть основная сила горожан, были на стороне гвельфов, а жившие в тех же городах аристократы опирались на гибеллинов. В то же время в иных центрах (Рим, Сиена и др.) все могло обстоять как раз наоборот.

При всей нечеткости противостояний, это были уже сложившиеся предпартийные группировки.

Ведь если уж на то пошло, то самое главное в стабильных предпартиях – именно сплоченность, способность стать основой для сближения всех, чьи интересы оказывались в данный момент созвучными тем, что выражались лидерами той либо иной группировки. Или, иначе, главное, чьи симпатии в данный момент совпадают с интересами тех (речь теперь о лидерах группировки), кто ищут опору для резкого увеличения своих сил в борьбе с противниками. И этот принцип при использовании давно уже сложившейся предпартийной группировки не случаен.

Здесь уместно, забегаая вперед, твердо заявить, что политические партии в подлинном смысле этого слова могли появиться только в западных обществах, шедших по пути буржуазной эволюции с присущими им важнейшими особенностями социально-политической системы, корнями восходившей к античности. Все дело в том, что при иных формах власти в обществах просто не было основы для возникновения политических группировок, которые могли постоянно противостоять правящей элите.

Религиозные ордена как политические организации

Коль скоро речь идет не только о партиях привычного западного облика, но и о партиях “нового типа”, необходимо обратить внимание на те средневековые организации, которые в чем-то послужили их прообразом. Речь о религиозных орденах (как известно, советский вождь считал уместным уподобить партию большевиков ордену меченосцев). Они появились практически одновременно в католицизме в эпоху Крестовых походов и в исламе в связи с формированием суфизма. Принципы их организации сходны и сводятся к немногим основным позициям. Это почти монашеские организации, без семьи и женщин, со строгой внутренней дисциплиной и практически безоговорочным подчинением младших старшим и ордена в целом его главе, довольно часто наследственному (особенно у мусульман). Целью орденов была чаще всего военная деятельность, либо – у католиков во времена Крестовых походов – также и военно-благотворительная работа. Иногда мусульманские ордена-тарикаты оказывались очень крепкими структурными формированиями, сочетавшими войны с миссионерской активностью и в качестве таковых становившимися, особенно в слабо развитых районах на севере Африки, ядром отсутствовавшей там государственности.

Важно принять во внимание, что религиозные ордена, особенно исламские тарикаты, были внутренне спаяны не только преданностью вождю (гроссмейстеру и магистру у христиан, имаму либо иному религиозно почитаемому деятелю в исламе), но и соответствующему возглавляемому им направлению в религии. Как правило, эти направления не слишком сильно отличались от общей нормы и потому ни в коей мере не воспринимались в качестве еретических сект. Мало того, они в большинстве случаев (чаще и строже у христиан, менее ощутимо в исламе, не знакомом со строгой церковной организацией) находились под верховной властью высших религиозных иерархов. **Этот фактор – религиозная истовость – отличает их от всех тех прото-и предпартий, о которых шла речь выше.** И если на них следует остановить внимание, то именно потому, что ордена сходны с некоторыми – правда, не буржуазно-демократическими, но тоталитарно-экстремистскими, характерными для XX столетия, – партиями. В чем суть подтверждающих это аргументов?

Во-первых, в том, что это всегда были группы единомышленников, в подавляющем большинстве случаев абсолютно добровольно сближавшихся друг с другом и признававших идейную власть, то есть религиозный авторитет предводителя. Во-вторых, в том, что члены боевой дружины ордена (а иных не было), его рыцари либо мюриды обычно всегда были готовы, не колеблясь, отдать всего себя, включая и жизнь, общему делу, в детали которого они обычно не вникали, но основное направление воспринимали с энтузиазмом. Разумеется, эти особенности, по меньшей мере отчасти, были характерны вообще для солдат в хорошо вымуштрованной армии. Но стоит обратить

внимание на то, что в данном случае речь идет о добровольной организации с явно идеологической – религиозной – доктриной в качестве ее генеральной основы. Немаловажно и то, что **ордена – как и некоторые экстремистские партии тоталитарного типа – могли становиться даже не столько идейно-доктринальной, сколько организационно-административной основой складывавшегося государства.** При всем том сами религиозные ордена партиями не были. Но они внесли важный вклад в формирование стереотипов, которые позже стали использоваться при создании жестко структурированных партий “нового типа”. И здесь нет ничего удивительного, особенно когда речь о безоговорочной дисциплине и полном повиновении рядовых членов указаниям вождей.

Политические партии в буржуазных обществах

Как складывались политические партии в новоевропейских обществах? Ни одно сколько-нибудь развитое государство либерально-демократического толка, – если оно не оказывается хотя бы на недолгое время во власти диктатора, пытающегося изменить его структуру, – без партий обходиться не может. Но партии возникали не сразу. В Англии, где история парламента как сословно-представительного учреждения восходит к XIII в., процесс выборов в нижнюю палату (депутаты верхней никогда не избирались) происходил обычно на состязательной основе, но при этом господствовал мажоритарный принцип. Каждый кандидат соревновался с другими в своем округе отдельно и фактически вне зависимости от какой-либо организации (что, разумеется, отнюдь не исключало поддержки его какой-то группой лиц либо даже местных организаций). В Нидерландах Генеральные штаты как аналогичный английскому парламенту орган сословного представительства, возник в 1463 г., а в XVI и начале XVII в. стал политическим центром борьбы местной оппозиции с испанскими Габсбургами.

Однако первые политические партии в подлинном новоевропейском смысле этого слова и к тому же в качестве символа победившей буржуазной демократии появились, как того и следовало ожидать, в Англии после О. Кромвеля. В момент обострения борьбы английской буржуазии с королем Карлом II Стюартом взявшие верх в парламенте так называемые виги (прежде этим словом именовали шотландских пресвитериан) в 1679 г. провели знаменитый закон *Habeas Corpus act*, резко ограничивший возможности короля. Тогда же оформилась и партия консерваторов – тори. Вскоре после этого в 1689 г. (“Славный переворот”) протестант сел на английский трон и подписал принятый чрезвычайным парламентом-конвентом Билль о правах и ряд иных важнейших актов, сыгравших роль отсутствующей в Британии по сей день конституции. **После этих событий в Англии главную политическую роль начал играть парламент (король более не имел права распускать его), а в парламенте стали верховодить политические партии, либералы-виги и консерваторы-тори, обычно попеременно добивавшиеся большинства и формировавшие правящий кабинет министров.** Эта формула власти сыграла решающую роль и в образовании партий в 80-х гг. XIX в. в США, в годы формирования там государственности.

Политические партии во Франции сложилась лишь в конце XVIII в., в годы Великой буржуазной революции. На этом примере виден смысл их существования в буржуазном обществе – **борьба за власть.** Главное же в том, что в либерально-демократических странах легальная и единственно возможная борьба за власть ведется между соперничающими друг с другом двумя либо несколькими политическими партиями. Именно это важнейшее обстоятельство – смена одной партии другой по выбору избирателей – наиболее ценное завоевание всей антично-буржуазной традиции. Это – как и принцип разделения властей с созданием сдержек и противовесов – ведет к ответственности руководителей за все то, что они сделали либо не сумели сделать тогда, когда были у власти.

А когда в конце XIX столетия в большинстве развитых буржуазных стран сложились достаточно влиятельные, порой многочисленные партии социалистов либо

социал-демократов, почти сразу же выяснилось, что доля марксистских социалистов в их составе была не слишком большой и имела постоянную тенденцию к уменьшению. Активная работа профсоюзных тред-юнионистских организаций, чья легализованная деятельность на протяжении всего XIX столетия шла по нарастающей, вела дело к **буржуазной социальной демократии**, то есть к появлению рядом с прежними партиями новых, социал-демократических. В чем суть свершившегося?

Благодаря постоянно крепнущему профсоюзному движению и росту благосостояния создавалась основа для сближения буржуа, трудящихся и государства. Согласованное триединство, вначале далеко не очевидное и бесконфликтное, постепенно укреплялось вопреки истерическим крикам марксистов, столь ненавидевших это единение, подрывавшее всю их доктрину. Вчерашние труженики, работавшие неограниченный рабочий день, за один только век, а кое-где и неполный, превращались в достаточно обеспеченных людей, имеющих твердые нормы рабочего дня, различного рода льготы, гарантии, страховки, пенсионное обеспечение и многое-многое другое. В немалом своем большинстве они быстрыми темпами вливались во все расширявшийся социальный слой так называемого среднего класса.

Вывод из сказанного очевиден: социалисты и социал-демократы в странах Запада являли собой политические партии, воспитанные в духе либеральной демократии и следовавшие в своей политике и практике тем стандартам прав и свобод, которые были выработаны именно ею. А это значит, что **социал-демократия и либеральная демократия оказывались если не союзниками, то и не противниками**. Просто одни из них были склонны – придя к власти легальным путем – проводить более ярко выраженную политику социальной защиты населения, тогда как другие были озабочены этим в несколько меньшей степени. Но отвечали за результаты своей деятельности либерал-демократы, консерваторы и социалисты немарксистского толка на выборах одинаково. Однако в начале XX столетия и особенно в ходе Первой мировой войны и вскоре после нее ситуация в ряде западных стран стала меняться.

Партии “нового типа” и тоталитарные режимы XX века

Дело в том, что наряду с буржуазными либерально-демократическими либо консервативными и социал-демократическими партиями, традиционно вписывавшимися в систему парламентско-многопартийной борьбы за власть, в это время стали появляться партии, которые внешне – во всяком случае вначале – ничем от прочих вроде бы не отличались. Коренное их отличие от других становилось явным лишь после того, как они не столько даже выигрывали выборы, сколько захватывали власть в критической для той либо иной страны обстановке. И коль скоро это происходило, сразу же становилось ясно, что такие группировки к числу политических партий отнести нельзя. Захватив власть, эти псевдопартии, сколоченные по принципу религиозных орденов, сразу же – подобно кукушонку, вылупившемуся в чужом гнезде, – решительным образом освобождались от политических соперников, то есть от всех иных партий, и тем создавали прочную основу для своего безраздельного господства. В исторически кратчайший срок они становились фундаментом командно-административной структуры, чем очень напоминали традиционные восточные структуры власти-собственности с крайне жестко централизованной редистрибуцией. Так создавалась база для появления в XX столетии тоталитарных режимов разного толка.

Первым из них – как и первой псевдопартией “нового типа” – следует считать русский большевизм. Сначала большевики были лишь частью (до 1905 г. полулегальной, если не вообще нелегальной – партии социал-демократов, РСДРП). Но отколовшись от других, эта часть по предложению ее главы В. Ленина превратилась в ту самую партию “нового типа”. Перестройка партии на военно-мафиозный лад реально изменила ее политический облик, что в наиболее полном виде сказалось летом и особенно осенью 1917 г. В разгар драматических событий, когда не оформившаяся еще республика в условиях Первой мировой войны, отречения царя и серьезнейшего внутреннего кри-

зиса при откровенно слабом Временном правительстве, она силой захватила власть в стране. Сделав главным своим оружием провозглашавшуюся марксизмом диктатуру и сопровождавший ее террор, эта вчерашняя партия мгновенно превратилась в мощную военно-командную административно-бюрократическую структуру власти. По типу последняя была близка к власти-собственности с централизованной редистрибуцией, резко противостоящей генеральным принципам буржуазной либеральной демократии. Это был решительный поворот многострадальной России назад, как то выяснится несколько позже, в сторону самодержавия и крепостничества, хотя и в условиях свойственной XX веку энергичной модернизации, внешне многими воспринимавшейся как движение вперед. В принципе близость коммунистической диктатуры, даже облагороженной модернизацией, к самодержавному крепостничеству, никого не должна удивлять. Но для раскрытия темы важно иметь в виду, что базой для этого послужила та самая псевдопартия.

Вторым режимом тоталитарного толка стала Италия с ее фашистами во главе с бывшим социалистом (это важно принять во внимание) Б. Муссолини. В марте 1919 г. в разгар Гражданской войны в России он основал в Италии Союз борьбы (*Fascio di combattimento*). В 1921 г. фашисты (от *fascio* – связка, пучок, союз), вначале мелкие полуразбойно-мафиозные группы, несколько остепенились и развернули в Италии социально-националистическую пропаганду, направленную на политическое усиление государства. Объединив предпринимателей и подчиненные властям официальные профсоюзы под патронажем корпоративного государства (государства, представляющего интересы разных корпораций), фашисты вскоре почувствовали свою силу. На выборах в мае 1921 г. они получили более 30 мест в парламенте и подписали с социал-партией пакт “умиротворения”. Создав военизированные отряды чернорубашечников, к которым присоединялось все большее количество недовольных рабочих, безработных, демобилизованных фронтовиков и представителей других слоев населения, они в октябре 1922 г. начали знаменитый поход на Рим. В итоге король Виктор Эммануил III 31 октября 1922 г. поручил Муссолини стать во главе кабинета.

Сразу же создав Национальную фашистскую партию, по существу – псевдопартию нового типа – и провозгласив себя вождем (дуче), Муссолини приступил к строительству нового тоталитарно-корпоративного государства, в котором не было места иным партиям. Таким образом фашизм трансформировался в административно-бюрократическую структуру, сущностно близкую к структуре власти-собственности, подчинившую себе всё в Италии. Новые чрезвычайные законы, принятые в 1925–1926 гг., привели к запрету оппозиции и разгрому противостоявших фашизму партий и профсоюзов. Был создан национальный совет всех государственно-частных корпораций, комплектовавшихся из представителей бизнеса, профсоюзов и партии фашистов. Министерство корпораций во главе с дуче олицетворяло провозглашенный на заре фашистского движения союз всех трех сил.

Третьим стал национал-социализм в Германии. Еще осенью 1919 г. со своей программой переустройства выступил А. Гитлер, заклеивший марксистов и евреев и призвавший к возрождению величия побежденной в Первой мировой войне Германии. В 1921 г. он стал во главе созданной им партии НСДАП (национал-социалистическая рабочая партия Германии), программа которой во многом напоминала итальянский корпоративный государственный фашизм. Нацисты, взявшие на вооружение идею о чистоте арийской расы и курс на ликвидацию в стране евреев, сумели в начале 1930-х гг. добиться власти. И как только это было достигнуто – в основном на выборах, – они заметно изменили характер общества и государства в Германии.

НСДАП быстрыми темпами трансформировалась в централизованную псевдопартийно-бюрократическую администрацию, носителя “немецкой государственной идеи”. Она сосредоточила в своих руках бессменное управление страной и уже в 1933–1934 гг. избавилась от всех иных партий. Это, наряду с реформами в сфере экономики, сблизило немецкий национал-социализм с основными принципами власти-собственности. В частности, это подтверждается фактом создания Генерального совета экономики.

В него вместе с видными нацистами вошли многие крупнейшие воротилы промышленности, которые обогатились за счет конфискации собственности немецких евреев и стали кем-то вроде руководителей корпораций. За деятельностью совета бдительно наблюдало министерство хозяйства. Вместо профсоюзов нацисты создали Германский трудовой фронт, который включал как трудящихся, так и частных предпринимателей. Собственники либо их представители приобретали статус местных фюреров, то есть менеджеров или директоров, а представители трудящихся, имевшие отношение к трудовому фронту, обладали правом защищать свои интересы. Словом, это был немецкий вариант все того же корпоративного государства.

Нацисты сумели избавиться от чрезмерной безработицы (6 млн в начале 1933 г.) за счет массивного строительства автострад и резкого увеличения объема промышленного, в первую очередь военного, производства. Этому способствовала широко-масштабная социальная политика, сводившаяся к разного рода выплатам, субсидиям, поддержке спорта и отдыха, к созданию солидных страховых и пенсионных фондов. Поддерживались и крестьянские хозяйства. Фюрер любил рассуждать о том, что его политический режим имеет преимущество перед большевистским именно потому, что в нацистской Германии система государственного патернализма опирается на прирученную им частную собственность.

Если поставить вопрос о том, что было наиболее характерным для всех основных тоталитарных режимов, то, помимо очевидного стремления псевдопартий “нового типа” к жесткой диктатуре и подавлению государством общества, все они отличались агрессивной экспансией, готовились к войне, хотя и мотивы при этом различались. Но между тоталитарными режимами правого и левого толка были и заметные различия, уходившие корнями в некоторые привычные для западноевропейских буржуазных государств нормы. Речь о той социальной политике, которую начали реализовывать все либерально-демократические страны еще с XIX в. и подражание которой в форме корпоративного государства вынуждены были сделать основой своей власти режимы правого толка. Дело было не столько в заботе о трудящихся, сколько в том, что без этой заботы на голоса большинства избирателей рассчитывать было невозможно. Как легко понять, в России в этом смысле все было иначе. Но продолжим тему о правых партиях “нового типа”.

Как известно, несколько иначе, чем партии фашистов и нацистов, выглядели некоторые ориентировавшиеся на них правые партии, ставшие опорой для режимов диктаторско-авторитарного толка в ряде других стран. Обычно специалисты обходят их своим вниманием либо говорят о них бегло, перечисляя те страны, что перед Второй мировой войной были, особенно в Восточной Европе, потенциальными союзниками Германии. Впрочем, такого типа режимы существовали и помимо зоны нацистского влияния. Бацилла правого тоталитаризма распространилась довольно широко, поэтому о странах неполного правого тоталитаризма или авторитарной диктатуры, готовых либо готовившихся стать тоталитарными режимами, следует сказать особо.

В **Испании** в 1933 г. была основана фаланга, и фалангисты стали фундаментом возникавшего в стране испанского фашизма. Свое полное развитие система корпораций, синдикатов и патернализма партии “нового типа” с наибольшей силой проявила лишь после гражданской войны при диктатуре Ф. Франко. В соседней **Португалии** А. Салазар в 1933 г. добился принятия конституции, создававшей государство с корпоративной системой. Руководителем ее был глава правительства, наделенный диктаторской властью. Суть реформы свелась к замене профсоюзов синдикатами, лояльными государству и очень тесно сотрудничающими с ним и с предпринимателями. Была ликвидирована многопартийность, а правящая партия обрела привычный для корпоративных систем облик партии “нового типа”, энергично трансформировавшейся в административно-бюрократический аппарат власти. Но сам Салазар при этом явно избегал ситуации, при которой созданный им режим мог бы быть полностью приравнен к тоталитарному.

В ряде стран Восточной Европы шел сходный процесс. Так, **Венгрия** при правлении регента М. Хорти решительно двигалась в сторону тоталитаризма в его фашистско-нацистском варианте. Активное сотрудничество сперва с Италией, затем с Германией тесно переплеталось с преобразованиями, усилившими характерный для тоталитарно-корпоративных тенденций государственный патернализм, который в этой аграрной стране выражался в стремлении как-то защитить интересы крестьян. В **Румынии** король Кароль II в начале 1938 г., изменив конституцию, распустил политические партии и создал единый “фронт национального возрождения” (“партия нации”) со свойственными партии “нового типа” претензиями. Место профсоюзов заняли огосударствленные по фашистско-нацистскому образцу синдикаты. Это был серьезный шаг в сторону установления корпоративной системы. В 1940 г. король отрекся от престола, а власть оказалась в руках генерала И. Антонеску, чья политика вела Румынию к тесному союзу с германским фюрером. В **Болгарии** переворот 1934 г. привел к власти К. Георгиева, который пытался распустить все партии, преобразовать профсоюзы и создать корпоративную систему по итальянскому образцу. Правда, сколько-нибудь развитой корпоративной системы в этой отсталой стране не возникло, хотя протототалитарные тенденции в ее внутренней политике были вполне ощутимы. Можно напомнить о режиме усташей во главе с А. Павеличем в **Хорватии** уже в годы Второй мировой войны, равно как и о некоторых других. Перечень можно было бы и продолжить. Но существенней добавить к сказанному несколько слов о латиноамериканских республиках, где бацилла тоталитаризма была в то время тоже очень заметна.

В **Мексике** на рубеже 1920–1930-х гг. правители откровенно вели дело к усилению роли государства. Влияние европейских стран, затронутых корпоративизмом, проявилось в ограничении деятельности партий и профсоюзов, запрете забастовок, принудительном арбитраже властей при конфликтах между рабочими и предпринимателями. Параллельно шла реализация аграрной реформы, вводился восьмичасовой рабочий день, повышалась заработная плата. В **Аргентине** на исходе 1920-х гг. президент И. Иригойен, приняв закон о восьмичасовом рабочем дне, способствовал усилению влияния государства в экономике, приняв меры к национализации добычи и переработки нефти. В 1930 г. военные во главе с генералом Х. Урибуру совершили государственный переворот, установив в стране режим диктатуры. Будучи склонным к нацистско-фашистским идеалам корпоративистской политики союза между трудом и капиталом под патронажем государства, Урибуру оказался, однако, не слишком горячо воспринятым в стране, что вынудило его вскоре смягчить режим и отчасти восстановить конституционные нормы.

В **Бразилии** президент Ж. Варгас за годы своей власти (1930–1945) многое сделал для буржуазной модернизации страны. В 1934 г. была принята конституция, содержащая принципы активной социальной политики (разработка нового трудового законодательства, организация официальных государственных профсоюзов, восьмичасовой рабочий день, двухнедельные отпуска, коллективные договоры, трудовой арбитраж при ведущей роли представителей власти, избирательные права для женщин). Но это влекло за собой усиление государственного патернализма, явно перекликавшегося по многим пунктам с корпоративными принципами управления государством, восходившими к новациям раннего фашизма Муссолини. С приходом к власти в Германии нацистов президент отменил конституцию 1934 г. и заявил о создании “нового государства” без политических партий и при полном господстве верховной власти диктатора, в качестве какового позиционировал себя сам. В **Чили** совершивший переворот и взявший власть полковник К. Ибаньес (1927–1931) наладил сотрудничество труда и капитала под патронажем государства и вел дело к подавлению демократических свобод. На **Кубе** в годы правления президента Х. Мачадо-и-Моралеса (1927–1933) пытались имитировать некоторые принципы итальянского фашизма с его корпоративной системой государственного патернализма. А в **Парагвае**, уже несколько позже, И. Мориниго (1940–1946), став диктатором, создал фашистско-корпоративный режим.

Не случайно после Второй мировой войны именно далекий Парагвай стал убежищем для многих немецких нацистов.

Очевидно, что даже беглый перечень событий заслуживает серьезного внимания и некоторого анализа. Прежде всего, важно обратить внимание на то, что партии “нового типа” везде, где они давали о себе знать, не были политическими партиями в полном смысле этого слова. **Все они в принципе были лишь фундаментом для захвата власти, после чего фактически исчезали, трансформируясь в административно-командный бюрократический аппарат принуждения.** Существенно отметить, что первая тройка тоталитарных стран активно готовилась к новой мировой войне и территориальным захватам. Что же касается многих вторичных, диктаторско-авторитарных государств, то они, будучи, как правило, сравнительно небольшими, об экспансии обычно не мечтали, но во внутренней политике делали, как и полновесные тоталитарные режимы, очевидную ставку на ликвидацию гражданских свобод и превращение либерально-демократических институтов, начиная с электоральных, в фикцию. Правда, при этом они подчас легко могли исчезать в случае очередного переворота.

Если говорить о причинах появления в XX в. всех разных партий “нового типа” и тоталитарных режимов разного толка, то дело в самом его кратком виде сведется примерно к следующему. Буржуазная модернизация вела к невиданному росту городов, центров индустриально-инфраструктурного переворота. Они быстро развивались за счет притока рабочей силы из деревни. Очень многое зависело от той деревни, традиции которой определяли тонус большинства изменявшегося и увеличивавшегося городского населения. В либерально-демократических странах Запада, где этот процесс начинался давно и шел медленно, были условия для создания гражданского общества со всеми свойственными ему правами, свободами и институтами. Там, где этого не было, будь то поздно возникшие в качестве объединенных государств Германия и Италия или тем более отстававшие в развитии Россия, страны Восточной Европы и Латинской Америки дело обстояло иначе. Резко ускоренные темпы модернизации в Германии привели к тому, что не успевавшие адаптироваться слои новых горожан были подходящим социумом для легкого восприятия как социально-этатистских и националистических, так и расово-бесчеловечных идей. Аналогичные темпы в Италии привели к корпоративизму. А поотставшие в развитии государства Восточной Европы или Латинской Америки оказались подходящей почвой для заимствования по крайней мере части таких идей. О России и следовавших ей восточных странах речь теперь должна пойти особо.

Партии “нового типа” и тоталитарные режимы левого толка

Как известно, итогом Второй мировой войны стало крушение и стопроцентно тоталитарных режимов правого толка, и, по крайней мере некоторых, особенно восточноевропейских, близких к ним по структуре диктаторско-авторитарных стран. Остальные, будь то иберийские (Испания, Португалия) или латиноамериканские, ушли в прошлое несколько позже. Парадокс ситуации в том, что те же восточноевропейские страны после войны не оказались в числе буржуазных либерально-демократических государств, но пополнили группу тоталитарных режимов левого, коммунистического толка.

В историографии СССР (и даже после его кончины) бытует мнение, что советские войска в годы войны освободили восточноевропейские страны, то есть, если верить щедро употребляемому в этой связи термину, принесли упомянутым странам именно свободу. Это, к сожалению, совсем не так. Советские солдаты массами гибли, изгоняя нацистов из Восточной Европы, и жители этих государств вплоть до сегодняшнего дня не забывают их подвига. Они, как правило, заботливо ухаживают за аккуратно приведенными в порядок могилами павших воинов, что, к сожалению, не часто бывает в нашей стране, где массовые захоронения сотен тысяч погибших остаются без должного внимания, а поиски останков павших, в частности под Ржевом, до

сих пор ведутся группами добровольцев. Притом жители стран не склонны считать, что советская армия их “освободила”. Они хорошо помнят, как вслед за солдатами шли отряды НКВД, а с ними бежавшие в свое время в Москву местные коммунисты, коминтерновские работники из числа тех, кто уцелели в Москве в годы большого террора. Помнят, как те и другие начинали реализовывать новую установленную ими власть с массовых арестов, репрессий и ссылок, с достаточно быстрой ликвидации всех партий, кроме коммунистической, и привычную трансформацию такой партии “нового типа” в жесткую командно-административную власть по типу советской.

Именно с этого момента единственный в недавнем прошлом тоталитарный режим левого толка, советский коммунистический, становится образцом, следуя которому другие страны, причем не только восточноевропейские, но и освободившиеся колониальные и зависимые страны вне Запада, создавали новые государства, ядром которого оказывалась коммунистическая партия “нового типа”. Впрочем, между европейскими и прочими странами, о которых идет речь, была и некоторая разница. Она отнюдь не сводилась только к тому, что в неевропейских странах не было ни советских солдат, ни НКВД, хотя и это очень много значило. Разница была глубже, и о ней стоит сказать особо. Но вначале все же важно напомнить, как выглядели партия “нового типа” и тоталитарный режим в СССР. Впервые появившаяся именно в России партия “нового типа”, равно как и вскоре созданный ею режим, принципиально выступал против рыночно-частнособственнической экономики, даже находившейся под неусыпным строгим контролем со стороны патерналистского государства, ибо именно это соответствовало доктрине марксизма.

Правда, в России почти не было классово сознательного пролетариата, тем более с таким уровнем сознания, которого было бы достаточно для успешной – как учил Маркс – “пролетарской” революции. Но как раз этот недостаток обернулся колоссальным преимуществом для отечественных последователей ортодоксального марксизма, одержавших историческую победу над теми из своих собратьев, кто ссылались на букву доктрины (это были меньшевики) и, что неизмеримо важнее, сумевших взять власть в рухнувшей империи. В уникальных условиях жесточайшего кризиса и крайней степени ослабления Временного правительства, большевики смогли привлечь на свою сторону малограмотных и слабо разбирающихся в политике людей, крестьян и солдат, равно как и тесно связанных с деревней горожан с помощью щедро раздававшихся обещаний социального плана и нереальных лозунгов. А затем РКП(б) стала проводить жесткую политику принуждения. Политика эта была тщательно выверена и при существовавших в крайне взбудораженной стране реальных обстоятельствах имела немалые шансы на успех, что и было доказано большевиками за несколько лет Гражданской войны. Как известно, за этим последовали два десятилетия, на протяжении которых руководство страны, постоянно прибегая к пропаганде, запугиванию населения, к репрессиям, временами переходившим в массовый террор, готовилось к войне. Итогом – несмотря на роковой драматизм начала войны в июне 1941 г., когда нацистский фюрер начисто переиграл коммунистического вождя, – стало расширение сферы влияния СССР за счет восточноевропейских стран и восточной части Германии.

Но помимо тех несчастий, выпавших на долю России, трагедией стало появление партий “нового типа” коммунистического толка в ряде избавившихся от колониальной зависимости стран Востока начиная с Китая. Не столько даже воодушевленные успехами большевиков в России, сколько сумевшие опереться на их помощь и, самое главное, использовать их пропаганду в почти полностью крестьянских странах, лидеры компартий этих стран взяли курс на создание тоталитарных режимов. Следует при этом обратить внимание, что, в отличие от аналогичных режимов правого толка с их рыночно-частнособственнической структурой, которую только нужно было подчинить репрессивной власти, в России и на Востоке возникла структура власти-собственности (власть первична, а собственность вторична и придавлена властью) в обновленной утопической модификации.

Утопия была не в том, что структура власти-собственности предполагала поставить частных собственников и рынок под жесткий контроль власти, как то тысячелетиями было в государствах традиционного Востока. Она в том, что, отвечая духу доктрины марксизма, коммунистические страны Востока попытались просто уничтожить и частную собственность, и связанный с ней рынок. А потому, несмотря на заметный рост в деколонизованных странах острого интереса к такой социо-политической и экономической модификации тоталитаризма, устояться эти режимы в коммунистических странах не могли. Отсутствие рынка и частной собственности вело к резкому замедлению эволюции и к снижению уровня жизни.

Еще сложнее была ситуация в крайне отсталых государствах так называемой “социалистической ориентации”, в основном из числа африканских, которые деколонизовались позже других и к независимости были не вполне готовы. В этих странах тяга к коммунистическому варианту тоталитаризма объяснялась тем, что переход к буржуазной либеральной демократии по примеру бывшей метрополии был им практически не под силу, не говоря уже о том, что это противоречило амбициям их руководителей. А режим коммунистического толка прельщал очевидными преимуществами во всем, что касалось простоты реализации власти в условиях принуждения и насилия. Впрочем, не исключено, что их устроил бы и тоталитарный режим правого толка, но он, во-первых, был уже дискредитирован историей и сошел либо сходил со сцены, а во-вторых, был тесно связан с буржуазной частной собственностью и рынком, которые в этих странах находились в зачаточном состоянии.

Известно, что конечным результатом коммунистических экспериментов в восточных странах, будь то цивилизованный Китай или отсталые африканские государства, стала стагнация, обернувшаяся резким упадком темпов эволюции и, в конечном счете, вынужденной переориентации на иной путь развития.

* * *

Завершая тему, отмечу, что в лице партий “нового типа” и тесно связанных именно с ними тоталитарных режимов правого и левого толка человечество в XX столетии столкнулось с принципиально новым явлением. Все началось с того, что Первая мировая война продемонстрировала слабости либерально-демократического буржуазного общества. Это общество с его колоссальными, поистине неисчерпаемыми экономическими потенциями, с социальными-политическими достижениями в рамках развитого государства оказалось в тот исторический период не готовым учесть увеличивавшуюся разницу в его развитии по сравнению с подавляющим большинством отстававшего от него остального мира. Иными словами, тоталитарные структуры, трансформировавшиеся в командно-административный аппарат, основанный на насилии и принуждении, партии “нового типа” – вне зависимости от того, к правому или левому крылу антилиберального движения они принадлежали, – были объективным отражением протеста со стороны энергично трансформировавшегося социума. Более того, протест сыграл огромную роль в становлении тоталитарных режимов, будучи реакцией отсталой части населения европейских государств на реалии индустриального прогресса. **Или, иначе, страны, о которых идет речь, и режимы, которые стремились и имели шансы там восторжествовать, отнюдь не были еще убеждены в преимуществах антично-буржуазных ценностей. А то и, как в случае с коммунистами, идейно выступали против них.**

В наши дни стало вполне очевидным, что тоталитаризм, равно как и авторитарная диктатура, близкая к тоталитарному режиму, бесперспективны. И никакие резоны, апеллирующие к объективному факту отставания в какой-либо сфере, будь то социокультурные или другие общественные отношения, равно как и ссылки на необходимость отстаивать идентичность и восхвалять самобытность отсталого общества, ничему не помогут.